

Евгений Деменок

Одесские пассажиры философского парохода

17 сентября 1922 года от Платоновского мола одесского порта отошел пароход, направлявшийся в Константинополь. Среди многочисленных его пассажиров двое были необычными. Это были историк Антоний Васильевич Флоровский и физиолог Борис Петрович Бабкин. Именно с них началась массовая высылка из Советской России ученых и преподавателей, названная впоследствии «философским пароходом».

Через шесть дней, 23 сентября, поездом Москва – Рига была отправлена следующая партия «инакомыслящих», в числе которых были А.В. Пешехонов, П.А. Сорокин, И.П. Матвеев. Следом за ними поездом Москва – Берлин отправились в числе прочих Ф.А. Степун, Н.И. Любимов.

29 сентября 1922 года из Петрограда в Штеттин отплыл пароход «Обербургомистр Хакен», пассажирами которого были философы, литераторы и ученые из Москвы, Казани и других городов Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Е. Трубецкой, А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, Н.А. Цветков, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зворыкин, В.И. Ясинский и многие другие. На борту находилось более 30 ученых, с семьями – около 70 человек. 16 ноября 1922 года из Петрограда вновь в Штеттин отплыл пароход «Пруссия», на котором в изгнание отправились Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин и другие (всего семнадцать человек, с семьями – 44).

Отдельные ученые, врачи и другие «инакомыслящие» выехали из Советской России в изгнание в течение зимы 1922-23 годов. Так прошла беспрецедентная акция по высылке за границу лучших умов страны, которых большевики посчитали неблагонадежными. Как цинично прокомментировал эту акцию Троцкий,

«мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».

Всего по Московскому, Петроградскому и Украинскому спискам было репрессировано 225 человек, из них за границу выслано 67. Кроме высланных за границу сорок девять человек были отправлены в административную ссылку в отдаленные районы России, тридцати трем высылка была отменена, о дальнейшей судьбе сорока шести сведения на сегодняшний момент отсутствуют. В списках этих были врачи, педагоги и профессора, инженеры, юристы, журналисты и литераторы, экономисты и агрономы, политические и религиозные деятели, и даже студенты.

Феликс Дзержинский писал в своих заметках после разговора с Лениным об организации работы по высылке интеллигенции (4-5 сентября 1922 года):

«Директивы В. И. [Ленина]. 4 сентября. Продолжить неуклонно высылку активной антисоветской интеллигенции (и меньшевиков в первую очередь) за границу. Тщательно составлять списки, проверяя их и обязуя наших литераторов давать отзывы. Распределять между ними всю литературу. Составлять списки враждебных нам кооператоров. Подвергнуть проверке всех участников сбор[ников] «Мысль» и «Задруга».

Необходимо выработать план. Постоянно корректируя его и дополняя. Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) Беллетристы; 2) Публицисты и политики; 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т. д.); 4) Техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т. д.); 5) Профессора и преподаватели; и т. д. и т. д.».

3 августа 1922 года председателем Госполитуправления Украины в городе Харькове был утвержден «Список профессоров и преподавателей вуз и общественных деятелей, ведущих антисоветскую политику, подлежащих ссылке или внутри страны, или за границу» – так называемый Украинский список. Как указано в документе, «списки и характеристики согласованы с губкомом, а в отношении профессоров с Наркомпросом. Утверждены ЦК КП(б)У». В списке сделана разбивка по городам – указаны «инакомыслящие» из Харькова, Одессы, Киева, Екатеринослава

и из Подолии. В одесском разделе списка – восемнадцать человек. Это профессора ИНО (Институт народного образования – бывший университет. – Е. Д.) Н.П. Кастерин, Фроловский, В.Т. Бабкин, Е.П. Трефильев, Е.Д. Буницкий, ассистент ИНО Б.С. Фролов, преподаватель ИНО Ф.Е. Александров, профессора медакадемии Д.Д. Крылов, А.М. Самарин, бывшие ассистенты медакадемии Сობоль и Добровольский, ассистент медакадемии А.Ф. Дуван-Хаджи, профессора Инархоза Михайлов и А.С. Мулюкин, преподаватели Инхоза Ф.Ф. Конев, Пясецкий, Г.А. Секачев и Х.Н. Хроневи́ч (все фамилии приведены так, как указаны в списке, – с ошибками).

Каждому была дана уничижительная характеристика – я приведу их позже, когда буду рассказывать о судьбах каждого из приговоренных. Уже 22 августа на имя завгубнаробраза Внукова последовало предписание ОГПУ с просьбой уволить всех преподавателей высшей школы из губнаробраза – как подлежащих высылке за границу.

Первым в прессе упоминанием о депортации из Советской России интеллигенции осенью 1922 года является интервью В.А. Мякотина берлинской газете «Руль». Вот что он говорит об изгнанниках из Одессы: «...Из Одессы высланы профессора Б.П. Бабкин (физиолог), А.В. Флоровский и ассистент Г.А. Скачков (эти лица уже прибыли в Константинополь), затем профессора Н.П. Кастерин (физика), К.Е. Храневи́ч (кооперация), А.П. Самарин (медик), Е.П. Трефильев (русская история), А.С. Мумокин (государственное и административное право), Д.Д. Крылов (судебная медицина), П.А. Михайлов (уголовное право), Ф.Г. Александров (языковедение), ассистент Ф.Л. Пясецкий (агрономия), ассистент С.Л. Собо́ль (зоолог), А.Ф. Дуван-Хаджи (хирургия) и Г. Добровольский (невропатолог)».

Как видим, в интервью по одесскому списку указаны те же фамилии – опять с небольшими искажениями, но присутствует пятнадцать человек вместо восемнадцати – нет Буницкого, Фролова и Конева. Зато можно с полным основанием утверждать, что на том самом первом одесском «философском» пароходе в Константинополь отплыли не двое, а трое изгнанников, – помимо А.В. Флоровского и Б.П. Бапки́на был еще и ассистент Г.А. Секачев, которого Мякотин ошибочно назвал Скачковым (возможно, это

была ошибка наборщика) – инициалы не дают в этом усомниться. Да и не только инициалы – в «Списке высланной за границу интеллигенции IV отделением СО ГПУ» от 20 января 1923 года помимо имен по Москве и Петрограду указаны трое «по Украине»: «...профессора (!) Секачев, Баткин и Флоровский».

В.А. Мякотин, давая интервью, не знал о том, что часть людей из одесского списка за рубеж так и не попадут. Да и не только из одесского. Ряду лиц высылка была отменена, и они остались в Советской России. Не пожалели ли они впоследствии об этом? Кто знает... Многим высылка за рубеж была заменена ссылкой в отдаленные районы России.

Интересная информация относительно высылаемых из Одессы содержится в докладной записке № 82263 зампреда ГПУ Уншлихта о причинах задержки высылки украинской интеллигенции, направленной на имя Сталина в Политбюро ЦК РКП 19 декабря 1922 года. Вот что пишет Уншлихт: «Высылка за границу украинской антисоветской интеллигенции задержалась до сих пор, главным образом, вследствие затруднений с получением виз для выезда. <...> Это, несомненно, затруднит и затянет на неопределенное время высылку, во-первых, потому, что часть высылаемых (одесская группа) еще раньше категорически отказалась заполнить анкеты, необходимые для затребования заграничных паспортов; во-вторых, потому, что приговоренные к высылке до сих пор оставались на местах постоянного жительства по разным городам Украины и затребование новых заявлений и анкет (соответствующие меры нами приняты) отнимут много времени. Ввиду изложенного ГПУ ставит на разрешение Политбюро следующий вопрос: либо заменить украинской антисоветской интеллигенции высылку за границу – высылкой в отдаленные пункты РСФСР, либо же указать ГПУ другой путь к разрешению этого вопроса».

В свете этого письма становится понятным, что добровольное согласие на выезд за свой счет за границу было в этой ситуации, пожалуй, лучшим выходом. Как пишет А.Н. Артизов, дальнейшая судьба ученых, включенных в Украинский список, небольшая часть которых была выслана в сентябре-октябре 1922 г. и встретила в Праге радужный прием, оказалась более трагичной. После письма Политбюро КП(б)У о нежелательности «укрепить

за счет эмигрантов украинское националистическое движение» в Политбюро РКП(б) они были сосланы в отдаленные губернии РСФСР – Киркрай (Киргизию), Узбекистан, в Тюмень и другие районы Севера.

К опубликованному в интервью В.А. Мякотина списку следует добавить тех, кто в силу обстоятельств «по своей инициативе» покинул Россию. Изгнанники «добровольно» покидали Россию разными путями до весны 1923 года.

Что же произошло в совсем молодом советском государстве такого, что заставило власти избавиться от целой плеяды выдающихся ученых и преподавателей, фактически потеряв их для страны? Что послужило толчком к этому беспрецедентному событию? Ведь многие из высланных ученых имели к тому моменту широкое признание в мировых научных кругах, а попав за границу, стали фигурами поистине мирового масштаба! А произошло вот что. После окончания гражданской войны большевистской власти было жизненно необходимо стабилизировать обстановку в стране. И если в экономике они были вынуждены пойти на временные послабления – 15 марта 1921 года X съездом РКП(б) была принята «Новая экономическая политика», сменившая политику военного коммунизма, проводившуюся в ходе гражданской войны, – то в политической и идеологической сфере была принята политика постепенного закручивания гаек. Ведь значительные послабления в сфере рыночной экономики вызвали оживление предпринимательской инициативы, а наличие определенной свободы в экономике неминуемо повлекло за собой и всплеск требований свободы политической.

Все началось с преследования оппозиционных политических партий. Уже в начале 1920 г. перед ВЧК и его органами на местах была поставлена задача вести гласный и негласный надзор за политическими партиями, группами и лицами. В августе того же года по указанию руководства страны в связи «со значительным расширением числа антисоветских партий Чрезвычайная комиссия серьезно приступила к точному учету всех членов антисоветских партий».

Собственно операция против «инакомыслящих» представляла собой не одномоментное действие, а серию последова-

тельных акций. Можно выделить следующие основные ее этапы: 1) аресты и административные ссылки врачей – участников 2-го Всероссийского съезда врачебных секций и секции врачей Всемедикосантруда – 27-28 июня; 2) репрессии против вузовской профессуры – 16-18 августа; 3) «профилактические» мероприятия в отношении «буржуазного» студенчества – с 31 августа на 1 сентября 1922 года. Началом борьбы с «буржуазной интеллигенцией», пожалуй, можно считать репрессии против членов Помгола (Комитета помощи голодающим) в августе 1921 года. Опыт сотрудничества советской власти с интеллигенцией не удался. Поэтому не случайно первыми за границу еще в июне 1922 года отправлены известные общественные деятели, активные члены Помгола С.Н. Прокопович и его жена Е.Д. Кускова.

А 10 августа 1922 года появился основной документ, регулирующий высылку инакомыслящих, – декрет ВЦИК «Об административной высылке», в первом же пункте которого указывалось: «В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета разрешение на изоляцию свыше двух месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке».

Наверное, лучше всего о событиях тех дней может рассказать очевидец. Давайте посмотрим на события глазами выдающегося русского философа Николая Онуфриевича Лосского. Вот что писал он в воспоминаниях: «Семья наша, голодавшая в течение двух лет, вся была обречена на гибель, как и многие другие семьи интеллигентов. Спасла нас от смерти американская организация ARA (American Relief Association), устроившая в 1921 году свои отделения по всей России. Лица, желавшие помочь голодающим, вносили в эту организацию десять долларов, указывая адрес, кому они хотели послать продовольствие. ARA доставляла по данному ей адресу трехпудовую посылку, содержащую в себе муку, рис, жиры, жестянки с молоком и т. п. драгоценные продукты. Наша семья, имевшая друзей в Западной Европе, стала полу-

чать ежемесячно такую посылку. Мы и многие другие интеллигенты были таким образом спасены от гибели».

И далее:

«Благодаря улучшившемуся питанию силы русской интеллигенции начали возрождаться, и потому явилось стремление отдавать часть их на творческую работу. <...> До осени 1921 года большевицкое правительство мало вмешивалось в преподавание, по крайней мере, философских наук. <...> В течение трех лет большевицкое правительство подготовило кадры «красных профессоров» для многих наук, и осенью 1921 года в Москве состоялось заседание Государственного ученого совета для решения вопроса, каких профессоров следует удалить из университетов. <...> После этого заседания кафедра философии Петербургского университета была совершенно разгромлена: были удалены все приват-доценты и два профессора, Лапшин и я».

Но увольнение большевикам мало. За ним последовали аресты:

«На следующий день (16 августа. – Е. Д.) мною было получено извещение о том, что я должен явиться на Гороховую улицу в помещение Чека. Думая, что меня вызывают ради какой-либо формальности при получении заграничного паспорта, я пошел в Чека, не испытывая никакой тревоги. Но как только я вошел туда, мне стало ясно, что я арестован. <...> Она (следователь. – Е. Д.) предъявила мне, как и всем арестованным 16 августа интеллигентам, обвинение, сущность которого состояла в следующем: такой-то до сих пор не соглашается с идеологиею власти РСФСР и во время внешних затруднений (то есть войны) усиливал свою контрреволюционную деятельность. <...> В действительности... правительство знало, что мы не участвовали в политической деятельности. К тому же было предрешено, что нас приговорят к высылке за границу. В это время большевицкое правительство добивалось признания *de jure* государствами Западной Европы. Арестованы были лица, имена и деятельность которых были известны в Европе, и большевики хотели, очевидно, показать, что их режим не есть варварская деспотия. Говорят, что Троцкий предложил именно такую меру, как высылка за границу.

Меня, как и всех нас, допрашивали о том, как я отношусь к советской власти, к партии социалистов-революционеров и т. п.

После допроса меня отвели в большую комнату, где находилось около пятидесяти арестованных... Здесь находились Карсавин, Лапшин, профессор математики Селиванов и другие лица из нашей группы.

Через неделю нас перевели из Чека в тюрьму на Шпалерной улице. Она состояла из камер для одиночного заключения, но была так переполнена, что в каждой камере было помещено по два или по три заключенных. <...> Большевицкое правительство обратилось к Германии с просьбой дать нам визы для въезда в Германию. Канцлер Вирт ответил, что Германия не Сибирь, и ссылать в нее русских граждан нельзя, но если русские ученые и писатели сами обратятся с просьбой дать им визу, Германия охотно окажет им гостеприимство. <...> Едущим за границу разрешалось в то время брать с собою очень мало белья и платья; на человека полагалось брать только одну простыню; нельзя было вывозить книг, особенно словари считались национальным достоянием, которое должно храниться в России».

Тем временем аресты прошли и в Москве, и в других городах России и Украины. Хочу вновь предоставить слово Н.О. Лосскому:

«Пока мы хлопотали о визах и условиях переезда за границу, в Петербург приехала из Москвы партия высылаемых оттуда ученых и писателей. <...> Наконец, наступил и наш черед ехать за границу. Вечером 15 ноября мы сели на пристани за Николаевским мостом на немецкий пароход, который должен был на следующее утро в 7 часов отплыть в Штеттин. Утром на следующий день на рассвете приехало на пристань много лиц провожать отъезжающих, не только родных, но и знакомых. <...> На пароходе ехал с нами сначала отряд чекистов. Поэтому мы были осторожны и не выражали своих чувств и мыслей. Только после Кронштадта пароход остановился, чекисты сели в лодку и уехали. Тогда мы почувствовали себя более свободными. Однако угнетение от пятилетней жизни под бесчеловечным режимом большевиков было так велико, что месяца два, живя за границей, мы еще рассказывали об этом режиме и выражали свои чувства, оглядываясь по сторонам, как будто чего-то опасаясь».

В разоренной войной Германии прибытие большой группы русских ученых, политических и общественных деятелей вызвал

смешанные чувства. Кто-то был рад этому, вместе с тем в немецкой прессе появились и резко негативные статьи по этому поводу. Прибывшие в большинстве своем с минимальным запасом денег изгнанники с первых дней столкнулись с проблемой выживания и трудоустройства. Кроме этого, перед каждым стоял выбор – оставаться в Германии или искать себе другую страну для жизни и работы.

Давайте проследим судьбы одесских пассажиров «философского парохода», остановившись на некоторых подробнее, – эти люди заслуживают того, чтобы о них помнили.

Родившийся в 1884 году в семье протоиерея Василия Антоновича Флоровского историк Антоний Васильевич Флоровский переехал с семьей в Одессу в десятилетнем возрасте. В 1908 году он окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета, избрав своей специализацией историю России XVIII века. С 1907 года он преподавал в Одесском коммерческом училище; в октябре 1911 года становится приват-доцентом и с 1912 года читает лекции по истории в Новороссийском университете. С 1915 года А.В. Флоровский читает курс лекций по истории на Высших женских курсах, в 1916-м становится профессором кафедры русской истории университета, в 1917-1918 годах также читает лекции на экономическом факультете Одесского политехнического института. В Археологическом институте, созданном после реорганизации Одесского университета, А.В. Флоровский заведовал кафедрой исторической географии (1920-1922).

С 1911 года Антоний Флоровский – действительный член Одесского славянского благотворительного общества; он также работал в Одесском библиографическом обществе, Историко-филологическом обществе (1912), Одесском обществе истории и древностей (1911-1922), Одесском областном архивном управлении (1920-1922), в 1921 году – директор Одесской публичной библиотеки, в 1922 году был избран директором главной библиотеки Высшей школы (бывшей университетской).

Вот такая характеристика была дана ему в списке ГПУ: «Кадет и клерикал, активный противник Соввласти и реформы Высшей школы. Активнейшая фигура, нагло выступающая еще против более либеральных профессоров, возбуждал работников мединсти-

туда к забастовке. В свое время поплатился за это арестом. При белых организовывал вечера-балы. Сын попа, брат бежал с белыми. Ездил как делегат Одессы на выборы патриарха. Член правления указанной секции». Просто демоническая характеристика для глубоко интеллигентного человека, всю жизнь преданного науке. Конечно же, получив такую характеристику, оставаться в стране было опасно. Попав вместе с Б.П. Бабкиным и Г.А. Секачевым в Константинополь, Антоний Флоровский связывается с родителями, братом Георгием и сестрой Клавдией, которые жили к тому моменту в Болгарии, эмигрировав из России в начале 1920 года, до окончательного прихода в Одессу большевиков. Прожив недолгое время в Софии, Антоний Флоровский переехал в Белград, но, не найдя работы и там, переехал в 1923 году в Чехословакию и остался в ней до конца жизни. Он преподавал на Русском юридическом факультете, затем возглавил историко-филологическое отделение Русской учебной коллегии (1923-1930). Эксперт, а затем председатель учетной комиссии Русского заграничного исторического архива (РЗИА). Сопредседатель Комитета русской книги. С 1924 года член пражского Русского исторического общества, в 1938-1940 годах – его председатель. С 1929 года Антоний Флоровский был членом Славянского института в Праге. С 1933 года преподавал историю России на философском факультете Карлова университета; затем переведен в научно-исследовательский Славянский институт. Доктор философии и профессор Карлова университета, доктор русской истории, с 1957 года – доктор исторических наук Чехословакии. В 1948-1957 годах – ординарный профессор кафедры русской истории Карлова университета. В 1946 году Антоний Васильевич принял советское гражданство, но остался жить в Праге.

В РЗИА хранятся документы, собранные А.В. Флоровским, в том числе касающиеся подробностей высылки интеллигенции из Советской России в 1922 году. Среди них есть интереснейший документ – план здания Одесского ГПУ, а рядом – список имен арестованных коллег. Там же есть и схема внутреннего помещения, где они содержались: правовед П.А. Михайлов, правовед А.С. Мулюкин, лингвист Ф.Г. Александров, физик Н.П. Кастерин, ботаник Г.А. Секачев и другие.

Большая статья В.Т. Галяса об Антонио Флоровском, с которым он много переписывался, опубликована в 15-й книге альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». Я также писал о нем в опубликованной в 45-й книге альманаха статье «Одесситы в Праге».

Физиолог Борис Петрович Бабкин (1877-1950) считается лучшим учеником великого Павлова. Он родился в Курске в дворянской семье и в 1901 году окончил с золотой медалью Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Его студенческая работа «Влияние искусственных швов черепа у молодых животных на их рост и развитие», выполненная под руководством В.М. Бехтерева, отмечена золотой медалью. После окончания академии Бабкин был оставлен для усовершенствования в области физиологии на кафедре И.П. Павлова при академии и уже через три года защитил докторскую диссертацию. После защиты Борис Петрович два года стажировался в Германии в Берлинском и Лейпцигском университетах, и в Италии на Неаполитанской биологической станции. По возвращении из-за границы он продолжил научные изыскания в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины, работая ассистентом И.П. Павлова до 1912 года. В этот период Борис Петрович опубликовал ряд работ по исследованию высшей нервной деятельности. Он обобщил последние работы павловской лаборатории и свои исследования в книге «Внешняя секреция пищеварительных желез» (СПб., 1915). Издание этой книги принесло ему европейскую известность.

С 1912 по 1914 годы Б.П. Бабкин возглавлял лабораторию физиологии Новоалександрійского института сельского хозяйства и лесоводства под Варшавой. В 1914 году стажировался в физиологической лаборатории члена Лондонского королевского общества, профессора Эрнста Старлинга, где участвовал в исследованиях гормона секретина. Встреча со Старлингом в Лондонском университетском колледже стала судьбоносной – впоследствии именно благодаря ему он найдет работу в Англии.

В 1915 году Борис Петрович переезжает в Одессу, где становится профессором Новороссийского университета и до 1922 года заведует кафедрой физиологии. На организованных им семинарах для преподавателей Бабкин устраивал дискуссии на общепрофессиональные и общественные темы. После Октябрьской рево-

люции в этих семинарах участвовали ученые – беженцы Москвы, Петрограда. Борис Петрович принимал активное участие в работе Американской организации помощи голодающим (АРА).

В августе 1922 года Борис Петрович был арестован. Вот какую характеристику получил он в ГПУ: «Правый клерикал, антисемит. Активный противник Соввласти, группирующий вокруг себя эту часть профессуры. Лекции читал очень мало. Служит в АРА, где является крупной величиной. Тип вредный».

Как мы уже знаем, Борис Петрович в числе первых изгнанников покинул Россию. Прибыв в Константинополь, он получил приглашение от Э. Старлинга, уехал в Англию и в течение двух лет работал в лаборатории Лондонского университетского колледжа. Бабкин повторно защитил в Англии докторскую диссертацию, что дало ему возможность читать лекции в западных университетах. В 1924 году он был приглашен на должность преподавателя фармакологии в университет Сант-Луис (Вашингтон), а вскоре переехал в Канаду, где остался до конца жизни. Борис Петрович стал заведующим кафедрой физиологии в университете Далхаузи (Галифакс). Здесь он продолжил свои научные исследования. В 1928 году Бабкин был приглашен на должность профессора-исследователя лаборатории физиологии и экспериментальной медицины университета Макгилла (Монреаль).

Борис Петрович Бабкин стал в Канаде звездой первой величины. Его физиологическую школу прошли 136 учеников. В 1946 году Канадское Королевское общество наградило его медалью Флавелля, а спустя три года Американская гастроэнтерологическая ассоциация удостоила его медалью Фрайденвальда. Борис Петрович являлся членом Королевского общества Канады, Лондонского Королевского общества, членом немецкой Академии естествоиспытателей, в 1939-40 годах был президентом Общества гастроэнтерологов «Сигма Х», а в 1945 и 1946-м годах избирался президентом Канадского физиологического общества.

Третий изгнанник, отплывший на самом первом пароходе в Константинополь, – ботаник Г.А. Секачев, после Константинополя отправился в Болгарию. После трех лет безуспешного поиска работы он перебрался в Тунис, где жил его брат. На этом сведения о нем заканчиваются...

Еще одним одесситом, оказавшимся в результате изгнания в Праге, был математик Евгений Леонидович Буницкий. Родился он в 1874 году в Симферополе в семье военнослужащего, но образование получил уже в Одессе. Окончив в 1892 году Рихельевскую гимназию, он поступает на физико-математический факультет Новороссийского университета. Увлечение математикой в студенческие годы отразилось в результатах обучения – в 1896 году он оканчивает университет с дипломом 1-й степени и остается при университете на два года стипендиатом. Еще со студенческих лет Буницкий начал сотрудничать в издававшемся тогда в Одессе журнале «Вестник опытной физики и элементарной математики» – первом регулярном научно-популярном журнале по элементарной математике в дореволюционной России. Начиная с 1898, он входил в редакцию журнала и на протяжении пятнадцати лет беспрерывно заведовал трудным и ответственным отделом задач.

Начиная с 1899 года, Евгений Леонидович принимает деятельное участие в работе математического отделения Новороссийского общества естествоиспытателей, на заседаниях которого он многократно выступал с сообщениями и докладами по различным разделам математики. Ряд сообщений он посвятил проблемам школьного обучения, и высказанные им предложения не потеряли актуальности и в наши дни.

В 1900 году Е.Л. Буницкий начал преподавательскую деятельность в различных средних учебных заведениях Одессы. В 1903 году он сдал магистерские экзамены, а в марте 1904-го стал приват-доцентом университета; его научные занятия были, в основном, направлены на теорию дифференциальных уравнений. Два года, 1906-1907, Буницкий провел в Геттингене в научной командировке, где работал в лаборатории выдающегося немецкого математика Д. Гильберта, под влиянием которого занялся теорией интегральных уравнений. Евгений Леонидович не только познакомился с достижениями школы Гильберта в этой области, но и сам получил некоторые результаты, о которых докладывал на двух заседаниях Геттингенского математического общества, и которые были опубликованы в научных журналах.

После возвращения в Одессу Буницкий продолжает свои исследования, много публикуется в одесских изданиях. И конечно же, продолжает преподавательскую деятельность. В 1913 году он становится штатным доцентом Новороссийского университета, защитив магистерскую диссертацию «К теории функции Грина для обыкновенных линейных дифференциальных уравнений». Ученая степень магистра математики позволяла Буницкому занять профессорскую должность, но вакансий не было. В 1915 году министерством народного просвещения он был назначен экстраординарным профессором Юрьевского университета, однако по ходатайству Новороссийского университета его оставили в Одессе. В университете Евгений Леонидович читает лекции по дифференциальному исчислению, теории функции комплексного переменного, вариационному исчислению и теории вероятностей. Кроме того, Е.Л. Буницкий начинает работать на Высших женских курсах, которые в 1911 году были приравнены к высшим учебным заведениям. Одной из его учениц на курсах была Софья Александровна Яновская – впоследствии профессор механико-математического факультета МГУ.

В 1916 году была опубликована большая работа Буницкого «К вопросу о решении обыкновенных линейных дифференциальных уравнений при данных предельных условиях», составившая его докторскую диссертацию; в 1918 году он становится ординарным профессором Новороссийского университета. Параллельно с этим Евгений Леонидович преподает высшую математику во вновь созданном политехническом институте, на интернет-сайте сегодняшнего политеха можно прочесть о том, что на его лекциях аудитории были переполнены.

В списке «инакомыслящих» Е.Л. Буницкому была дана такая характеристика: «Кадетских убеждений, не согласен с реорганизацией и пролетаризацией высших учебных заведений, деморализующий своими выступлениями и действиями, влияет на студенчество и преподавателей». Осенью 1922 года профессор Буницкий уезжает в Чехословакию, где благодаря широкомаштабной Русской акции помощи работу и кров обрели десятки российских ученых. Прага стала постоянным местом жительства для Евгения Леонидовича – он прожил в ней тридцать лет,

с 1922-го и до самой смерти. Буницкий принял участие в организации и работе Русского свободного университета в Праге; с декабря 1925 был членом куратория Общества Русского народного университета. В 1928 при университете было создано Русское научно-исследовательское объединение, в университете стала преобладать научная деятельность, издавались сборники «Научных трудов», в которых печатался и Буницкий.

С 1931 года и до начала второй мировой войны Е.Л. Буницкий преподавал математику на естественнонаучном факультете Карлова университета в Праге в качестве приглашенного профессора. Когда в 1945 году Карлов университет снова открылся, Буницкий вновь приступил к преподавательской работе и читал лекции до 78 лет. За свою жизнь математик опубликовал около 50 работ, последняя из которых вышла в свет в 1950 году.

Среди высланных за границу по одесскому списку был и врач-хирург Исаак Юфудович (Александр Федорович) Дуван-Хаджи. Исаак Юфудович родился в Киеве в 1886 году в семье евпаторийского мещанина, караима Юфуда Исааковича Дуван. В 1895-1903 годах он учился в Ришельевской гимназии в Одессе; в 1903 году поступил на медицинский факультет Новороссийского университета, где слушал лекции с 1903 по 1908 годы (с перерывом, вызванным первой русской революцией), затем перевелся на медицинский факультет Юрьевского (ныне Тартуского) университета. В конце 1908 года сдал государственные экзамены и удостоен степени лекаря с отличием. С 1910 года А.Ф. Дуван-Хаджи состоял врачом-интерном Кишиневской губернской земской больницы, откуда в 1911 году перевелся вторым врачом в Каушанскую земскую больницу (Молдова). В 1913-1914 годах работал в хирургической факультетской клинике Новороссийского университета профессора К.М. Сапезко. После начала первой мировой войны был мобилизован, призван младшим ординатором в 482 полевой подвижный госпиталь на Восточно-прусском фронте, в котором работал до февраля 1915 года. В феврале 1915 года вместе со всем составом госпиталя попал в плен к немцам и находился в плену до мая 1918 г. В плену, как и на фронте, вел хирургические палаты в лазарете для пленных. С октября 1918 года А.Ф. Дуван-Хаджи – штатный ординатор хирургической факультетской кли-

ники Одесских высших женских медицинских курсов; клиника была развернута на базе Одесского военного госпиталя. С 1920 года клиника стала второй хирургической факультетской клиникой Одесского медицинского института, А.Ф. Дуван-Хаджи здесь был уже ассистентом.

В списке ГПУ от 3 августа он получил характеристику «активного врага и участника апрельских брожений. Как контрреволюционный элемент сейчас отчислен и служит в АРА. Тип достаточно вредный». В ночь с 17 на 18 августа 1922 года А.Ф. Дуван-Хаджи был арестован с группой профессоров и преподавателей одесских вузов, квартиры которых были подвергнуты обыску. До 25 августа они содержались под арестом в здании одесского ГПУ. Был приговорен к высылке за границу за участие в антисоветской и контрреволюционной деятельности. Весной 1923 г. А.Ф. Дуван-Хаджи выехал с семьей из Одессы в Варну. Известно, что в 1928 году он работал в Кишиневе, входившем тогда в состав Румынии.

Еще один медик, Дмитрий Дмитриевич Крылов (1879-1945), после окончания Военно-медицинской академии в Петербурге служил в армии и принимал участие в качестве военного хирурга в русско-японской войне. В 1910 году под руководством профессора Военно-медицинской академии А.И. Моисеева защитил докторскую диссертацию. С 1919 по 1922-й год он заведовал кафедрой судебной медицины в Одесском медицинском институте. 19 августа 1922 года Д.Д. Крылов был арестован и 6 сентября приказом по Одесскому медицинскому институту исключен из списка преподавателей. В списке на высылку получил следующую характеристику: «Ставленник Кассо. Принадлежит к числу правых. Активный противник всех начинаний Соввласти. Тип достаточно хитрый, как ученый ценности не представляет, все же является достаточно вредным». В начале 1923 года профессор Крылов был выслан из страны и на пароходе «Анастасия» прибыл в Варну, а оттуда выехал в Белград. В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев работал на руднике Тресибаба, а в 1925 году вернулся в Болгарию, в Софию, где до 1934 года заведовал кафедрой общей патологии и патологической анатомии в Софийском университете. Затем работал патологоанатомом в Пловдиве, где и скончался в 1945 году.

Д.Д. Крылову принадлежат более 30 научных работ в области экспериментальной хирургии и патологической анатомии.

Экономист и кооператор Константин Ерофеевич Храневич (1870-1941) в списке ГПУ получил характеристику: «Кадет черносотенного толка. Вредный и опасный тип кооператора». После высылки из России он, как и многие другие представители российской интеллигенции, нашел свой новый дом в Праге. К.Е. Храневич читал лекции в Русском институте сельскохозяйственной кооперации в Праге, входил в редколлегию издаваемых этим институтом в 1924-1929 годах ученых записок «Кооперация и сельское хозяйство». Бал членом партии «Крестьянская Россия», одним из сподвижников легендарного С.С. Маслова, участником съездов «Крестьянской России», занимался научной работой.

В результате ходатайств различных ведомств – как одесских, так и московских, – ряд фигурантов «одесского списка» не были высланы и остались на родине. Это, в частности, физик Николай Кастерин, историк Евгений Трефилов, за которого лично ходатайствовал литературовед, профессор, – а тогда член губревкома и начальник губернского архивного управления Юлиан Григорьевич Оксман; биолог С.Л. Соболев.

Физик Николай Петрович Кастерин (1869-1947) был охарактеризован ГПУ как «активный враг Соввласти. В течение 2 лет не выполнял учебного плана. <...> Помимо ИНО Кастерин работает в мединституте, где все время открыто занимается саботажем, за что и был вычищен при чистке и сокращении штатов. Наркомпросом характеристика подтверждается».

Однако в октябре 1922 года из ГПУ в ГПУ Украины была отправлена телеграмма № 15913/Г о высылке профессора Н.П. Кастерина с таким текстом: «Зампреду ГПУ Балицкому. Из Одессы высылается в Екатеринослав профессор Кастерин Николай Петрович. По распоряжению тов. Держинского переменить место высылки на Москву и дайте Кастерину возможность самостоятельно выехать в Москву. О данном вами распоряжении уведомите Держинского, копия предгосплана Кржижановского. 14 октября 22 года. Секретарь предГПУ Герсон».

После переезда в Москву Николай Петрович Кастерин работал в Институте биофизики; с 1930 года он консультант в ряде

научно-исследовательских институтов и учреждений (ЦАГИ, Ангарстрой, Всесоюзный институт стройматериалов и других). Параллельно с этим он продолжал научную и педагогическую работу в университете, продолжая свои исследования в области вихревого движения. Кастерин – автор более чем сорока научных публикаций.

Историк биологии, доктор биологических наук Самуил Львович Соболев (1893-1960) работал в 1920-22 годах в Новороссийском университете, в конце 1922 года переезжает в Москву, где до 1933 года работает в различных московских редакциях и издательствах; далее в Коммунистической академии ЦИК СССР и в Отделении биологических наук АН СССР (1929-1931), в Институте истории естествознания и техники АН СССР (1938, 1946-1955 годы). Интересно, что в списке ГПУ он был охарактеризован как «активный противник и участник апрельских брожений в институте (медицинском. – Е. Д.). Активно выступал. Как элемент вредный – отчислен». Что ж, как видим, вредный в Одессе элемент оказался полезным в Москве.

Не все одесситы отправились в изгнание из родного города. Многие к моменту начала репрессий жили и работали в других российских городах. Так, родившийся в Одессе астроном Всеволод Викторович Стратонов (см. мою статью «Одесситы в Праге» в 45 книге альманаха «Дерибасовская – Ришельевская») в 1920 году возглавил физико-математический факультет МГУ, был одним из основателей Российского астрофизического института (РАФИ) и его директором. В 1921 году он выступил организатором забастовок профессоров МГУ, организованных в знак протеста против вмешательства властей в деятельность университета. В августе 1922 года В.В. Стратонов был арестован, а в октябре 1922 года выслан из Советской России. Вот какая характеристика была дана ему в приложении к постановлению Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов от 10 августа 1922 года: «Стратонов Всеволод Викторович. Профессор. Астроном, 49 лет, проживает по Поварской улице, Трубниковский пер., д. 26, кв. 21. Был чиновником особых поручений при заместителе Кавказа и редактором официальной черносотенной газеты. Один из главарей и руководителей февральской

(1922 г.) забастовки в университете. При приеме студентов проводил буржуазию и белогвардейцев. Определенный антисемит. Одно время работал консультантом в академическом центре и считался своим, на самом деле является злостным противником Соввласти. Как научная величина ценности собой не представляет. Произвести обыск, арест и выслать за границу. Комиссия с участием тт. Богданова, Середы, Хинчука и Лихачева высказалась за высылку. Главпрофобр за высылку».

Первое время после высылки жил в Берлине, где принимал активное участие в организации Русского научного института; а в 1923 году перешел в Русский народный университет. В.В. Стратонов читал научно-популярные лекции по астрономии во многих городах Чехословакии, а также в Литве, Латвии и Эстонии. После получения им чехословацкого гражданства начал читать курс лекций по астрономии в Чешском высшем техническом училище в Праге. В 1927 году им был издан на чешском языке сборник «Астрономия», который в 1929 году был переиздан на немецком языке. В.В. Стратонов умер в Праге и похоронен на Ольшанском кладбище.

Родившийся в Балте и переехавший вместе с семьей в Одессу в раннем детстве преподаватель, литератор, критик и переводчик Юлий Исаевич Айхенвальд (1872-1928) к моменту начала репрессий жил и работал в Москве, куда переехал после окончания в 1894 году историко-филологического факультета Новороссийского университета. В 1892 году он получил золотую медаль за сочинение «Эмпиризм Локка и рационализм Лейбница». Переехав в Москву, стал секретарем философского общества и сотрудником журнала «Вопросы философии и психологии». Опубликовал ряд философских работ, перевел с немецкого все основные сочинения Шопенгауэра. Преподавал в университете им. А. Шанявского, на Высших женских историко-филологических курсах В. Полторацкой. Член редколлегии журнала «Русская мысль» (1902-1903; 1907-1908), сотрудничал в журналах «Научное слово», «Вестник воспитания», в газетах «Речь» и «Утро России» (1911-1919).

Настоящая известность пришла к Юлию Айхенвальду, когда он начал заниматься литературной критикой. В 1910 году он создал галерею литературных портретов под названием «Силуэты

русских писателей». Перу Айхенвальда принадлежат литературные портреты Бунина и Пушкина, Гоголя и Чехова. Вышедшие в том же году «Этюды о западных писателях» принесли автору широкую популярность.

В Центральном архиве ФСБ России хранится протокол допроса Ю.И. Айхенвальда от 18 августа 1922 года, где указано, что до войны 1914 года он служил лектором в Народном университете в Москве, где «продолжаю свою деятельность и поныне». В тот же день он написал в Коллегию ГПУ заявление с просьбой выпустить его под подписку о невыезде из Москвы на поруки, указывая, что его сын Александр является членом Коммунистической партии и научным сотрудником Свердловского коммунистического университета. События развивались стремительно – в тот же день Юлию Исаевичу было объявлено постановление коллегии ГПУ о высылке за границу. Он просит освободить его из-под стражи для ликвидации домашних дел, заявляет, что желает ехать свободно и за свой счет (у советских властей не хватало денег для высылки интеллигенции), и на следующий день дает подписку о невозвращении на территорию РСФСР под угрозой расстрела. 19 августа Ю.И. Айхенвальд был освобожден с условием «в течение 7 дней ликвидировать все свои личные и служебные дела и получить необходимые для выезда за границу документы». Какое иезуитство – выбрасывать людей из страны, отрывая от семьи, работы, корней, при этом предписывая выехать за свой счет и закончить все дела в невообразимо короткий срок!

После высылки из России Юлий Исаевич поселился в Берлине, где был соучредителем берлинского Клуба писателей (1922-1923), читал курс лекций в Русской религиозно-философской академии. Был одним из организаторов, а в 1923-1926 годах – преподавателем Русского научного института в Берлине. Его труды публиковались в эмигрантских периодических изданиях. Ю.И. Айхенвальд погиб в Берлине в результате несчастного случая.

Еще одним невольным изгнанником стал родившийся в Одессе экономист, политический публицист, меньшевик Петр Абрамович Гарви (настоящая фамилия – Бронштейн) (1861-1944). Поступив сначала в Новороссийский университет, Петр Абрамович окончил юридический факультет уже Петербургского универси-

тета и с юности стал активно участвовать в политической деятельности. С 1899 года он член РСДРП (меньшевик); вел свою деятельность в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Москве и Петербурге. Впервые арестован в 1902, сослан в Сибирь, бежал, эмигрировал. Участник революции 1905-1907 гг., один из основателей и руководителей российского профсоюзного движения. С лета 1906 член Петербургского комитета РСДРП. На 5-м (Лондонском) съезде РСДРП (1907) заочно избран кандидатом в члены ЦК. В 1912 году – участник августовской конференции социал-демократов в Вене, избран членом партийного центра меньшевиков. В годы первой мировой войны – «центрист»; летом 1916 года вновь арестован, сослан в Астраханскую губернию (в целом в царские годы арестовывался 10 раз).

После Февральской революции вошел в партийный центр – ОК меньшевиков, работал в редакции «Рабочей газеты» и в отделе труда при Петроградском совете РСД. Избран членом Всероссийского центрального совета профсоюзов. После Октябрьской революции – правый меньшевик, член ЦК РСДРП (объединенной).

В 1918 году уехал в Одессу, где возглавил меньшевистскую организацию и стал редактором газеты «Южный рабочий». В годы советской власти также неоднократно арестовывался – в частности, 3 июля 1922 года по обвинению в антисоветской деятельности. Затем эти обвинения были сняты. Однако совсем скоро по решению коллегии ГПУ от 18 августа 1922 года Петр Абрамович Гарви был выслан за границу.

В эмиграции труды П.А. Гарви публиковались в рабочей и социалистической прессе, в том числе немецкой, французской, еврейской. В 1928 году в Риге вышла его книга «Закат большевизма: десять лет диктатуры». После 1933 года жил во Франции, участвуя в международных социалистических конгрессах в Марселе (1925) и Париже (1934); позднее переехал в США, где умер в 1944 году. В 1946 году в Нью-Йорке увидела свет его книга «Воспоминания социал-демократа»; затем там же вышли «Революционные силуэты» (1962) и в 1981 году «Профессиональные союзы в России в первые годы революции (1917-1921)».

Нам еще предстоит выяснить детали биографий остальных участников одесского списка: А.П. Самарина, П.А. Михайлова,

Ф.Г. Александрова, Ф.Я. Пясецкого, Г. Добровольского, Б.С. Фролова, Ф.Ф. Конева и А.С. Мулюкина – по изданной в Санкт-Петербурге в 1909 году книге последнего «Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков» в России до сих пор защищают диссертации.

Как мы видим, Прага, Берлин, София, Белград стали для многих русских ученых вторым домом. В самой же России о пассажирах «философских» пароходов вспомнили только через семьдесят лет – когда в прессе появились первые публикации и исследования по этому вопросу.

В августе 2003 года в Стамбуле состоялся XXI Всемирный философский конгресс «Философия лицом к глобальным проблемам». Пассажирский лайнер «Мария Ермолова», возвращавшийся с участниками конгресса из Стамбула в Новороссийск, назвали «философским» – как символ возвращения российских философов на Родину. 15 ноября того же года по инициативе Санкт-Петербургского философского общества на набережной лейтенанта Шмидта в Санкт-Петербурге установлен памятный знак с надписью: «С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки».

А в начале 2011 года во Всемирном клубе одесситов начал свою работу философский клуб под символическим названием «Философский пароход».

